

гом он мог считать этого человека только потому, что тот был гвельф, а сам он гибеллин,³⁷⁶ – он вытащил из груди его сердце и, с великой поспешностью поджарив его на угольях, съел его, а когда его спросили, каково оно на вкус, сказал, что никогда не едал ничего вкуснее и лакомее этого блюда. Ему, однако, и этого было мало, – он убил беременную жену погибшего и, вытащив из чрева ее плод, разбил его об стену. После этого он насыпал в эти растерзанные тела овса и стал кормить им лошадей. Как вы думаете, мог такой человек пощадить девушку, если бы он заподозрил, что она против него что-то содеяла?

– Надо сказать, – заметила Эннасюита, – что герцог Урбинский не столько был разгневан тем, что сын его хотел жениться по влечению сердца, сколько тем, что девушка эта была бедна.

– Мне кажется, что вы не должны в этом сомневаться, – ответил Симонто, – вполне естественно, что итальянцы любят сверх меры то, что создано лишь для служения плоти.

– Еще того хуже, – сказал Иركان, – они обожествляют вещи, которые противны природе человека.

– Вот это и есть те грехи, которые я имела в виду, – сказала Лонгарина, – вы ведь хорошо знаете, что любить деньги ради них самих – это значит сотворить себе кумира.

Парламанта сказала, что апостол Павел не забыл пороков, свойственных итальянцам, говоря о людях, которые считают себя превыше всех остальных в том, что касается чести, благоразумия и ума, и которые так утверждают в этом мнении, что не воздают господа всего, что должны ему воздавать. И поэтому Всемогуший, оскорбленный этой дерзостью людей, возомнивших себя умнее всех, делает их еще более неразумными, чем дикие звери, и своими поступками, противными человеческой природе, они только лишний раз доказывают свое безрассудство.

Лонгарина прервала ее речь, чтобы сказать, что это и есть третий грех, которому подвержены эти люди.

– Поверьте, мне было очень приятно слушать все, что вы говорили, – сказала Номерфида, – ибо если те, которые почитаются самыми умными и красноречивыми, бывают наказаны и становятся глупее, чем скоты, приходится сделать вывод, что в людях смиренные, скромных и заурядных, к каким себя отношу и я, пребывает поистине ангелическая мудрость.

– Уверю вас, что я держусь такого же мнения, – сказала Уазиль, – ибо самым невежественным оказывается тот, кто считает, что знает все.

– Я никогда не видел, – сказал Жебюрон, – ни одного насмешника, над которым бы потом не посмеялись, ни одного обманщика, которого бы не обманули, ни одного гордеца, который бы не был впоследствии унижен.

– Вы мне напомнили, – сказал Симонто, – об истории одного обмана, – и, если бы она была более пристойной, я бы охотно Вам ее рассказал.

– Раз уж мы собрались здесь, чтобы говорить правду, – воскликнула Уазиль, – то, какова бы ни была эта история, я передаю слово вам, чтобы вы нам ее рассказали.

– Извольте, я готов это сделать, – сказал Симонто.

Новелла пятьдесят вторая

Слуга аптекаря, обогнав шедшего впереди адвоката, который постоянно с ним враждовал и которому он был рад отомстить, выронил из рукава комок мерзлого кала, завернутый в бумагу и похожий формой своей на головку сахара. Адвокат поднял его и спрятал за пазуху, после чего отправился с приятелем завтракать в таверну, где ему пришлось самому испытать и стыд и унижение, которым он хотел подвергнуть несчастного слугу.

Близ города Алансона жил некий дворянин, имя его было де ля Тирельер.³⁷⁷ Однажды утром ему понадобилось пойти в город. Это было совсем недалеко, а так как стоял трескучий мороз, он

³⁷⁶ Речь идет о длившейся несколько веков борьбе двух политических партий, сторонников и противников распространения императорской власти в Италии.

³⁷⁷ Тирельер – небольшой городок близ Алансока.